

## САМОЗАЩИТА ПО СЕМЕЙНОМУ ПРАВУ

© 2008 г. А. М. Нечаева<sup>1</sup>

Понятие “самозащита” относится к числу универсальных, имеющих глубокие исторические корни. Государство любой формации не могло защитить каждого человека и гражданина, а он не мог быть совсем беззащитным. Однако самозащита в разные времена понималась различно. В исторически сравнительно недалеком прошлом самозащиту связывали с самоуправством и самообороной<sup>2</sup>. Главное составляла физическая неюрисдикционная форма защиты человека, который еще не фигурировал как личность, субъект права. Позднее появилось еще одно понимание самозащиты как естественной потребности человека, основанной на инстинкте самосохранения<sup>3</sup>, а самозащиту трактовали как естественное и неотчуждаемое право человека и гражданина наряду с правом на жизнь и свободу.

В наше время, когда отношение к личности стало иным, основанным на ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, когда сфера гражданско-правового регулирования стала шире, сложнее, в центре внимания специалистов прежде всего в области гражданского права оказалось множество признаков самозащиты, свойственных данной отрасли. Но, чтобы составить представление о самозащите в семейно-правовой сфере, необходимо рассмотреть данное понятие сквозь призму общетеоретических позиций, обратить внимание на некоторые ее принципиально важные особенности. Тем более что по общему признанию самозащита относится к родовым понятиям, сочетающим в себе множество признаков. Один из них, наиболее важный, заключается в выполнении ею функций защиты, поскольку именно защита – ядро рассматриваемой дефиниции, определяющее ее назначение. Отсюда понятный вывод: “структурная обособленность самозащиты и наличие у нее собственных способов реализации позволяют поставить ее в один ряд с другими формами защиты”<sup>4</sup>. Вместе с тем самозащита рассматривается и как “резервный” механизм защиты. Причем речь идет о защите принад-

лежащего субъекту права. Если такого права не существует, то, на наш взгляд, говорить о самозащите не приходится. Налицо самоуправство, т.е. неправомерное действие. Что же касается понимания самозащиты как действия, направленного исключительно на пресечение нарушения собственного права<sup>5</sup>, как способа предупреждения или пресечения нарушения собственных прав<sup>6</sup>, то представляется, что все-таки самозащита имеет место при состоявшемся правонарушении.

Следует согласиться с М.И. Брагинским, что при самозащите имеется в виду защита своего действительного, а не предполагаемого права<sup>7</sup>. И, добавим, во-первых, нарушенного права, а не угрозы его нарушения, во-вторых, совершенного путем действий, не связанных с физическим насилием, когда имеет место, например, самооборона. Именно действий, а не бездействия, которое, на наш взгляд, не свойственно самозащите. Трудно себе представить, как, бездействуя, физическое лицо защищает свое право. Самозащиту нередко связывают с охраной права. Между тем понятия “защита” и “охрана” не совпадают. Не случайно поэтому нет такого термина, как “самоохрана”.

В юридической литературе существует еще одна позиция, обосновывающая тесную связь самозащиты с ответственностью, с чем также трудно согласиться. Ответственность, как известно, есть неблагоприятные правовые последствия правонарушения вместе с дополнительным обременением, которое может быть предусмотрено различными отраслями законодательства.

Само по себе словосочетание самозащита облегчает определение других ее главных признаков, поскольку здесь на первом месте фигурирует так называемая самость – привычный психоаналитический термин. А словарное академическое его толкование таково: “самозащита – защита самого себя от опасности, нападения, враждебных действий, защита собственными силами”<sup>8</sup>. Вот

<sup>1</sup> Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

<sup>2</sup> *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М., 2002. С. 184, 185.

<sup>3</sup> *Покровский И.А.* Государство и человечество. М., 1919. С. 10; *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 7.

<sup>4</sup> *Микиш Д.В.* Самозащита в гражданском праве России. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 15.

<sup>5</sup> *Абова Т.Е.* Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Части первой / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2006. С. 61.

<sup>6</sup> *Мальцев М.Н.* Понятие “самозащита прав” по российскому законодательству // Закон и право. 1996. № 9. С. 77.

<sup>7</sup> *Брагинский М.И.* Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 1995. С. 71.

<sup>8</sup> Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2006. С. 1144.

почему самозащита, в частности, гражданских прав, имеет своей целью охрану личности гражданина...<sup>9</sup>. Поэтому самозащита тесно связана с самосознанием, самоутверждением, волеизъявлением именно физического лица.

Юридические, а также третьи лица, с каким бы интересом они не относились к защите прав другого субъекта, вправе, на наш взгляд, прибегать в случае необходимости к другим способам защиты, которых кроме самозащиты предостаточно. Коллективные действия применительно к самозащите как самостоятельному правовому институту в данном случае неуместны. Трудно согласиться и с точкой зрения, что самозащита может реализовываться как лицом, чьи права нарушены, так и другими лицами посредством так называемой товарищеской взаимопомощи, действия в чужом интересе без поручения<sup>10</sup>, или объединяясь с другими гражданами для отстаивания своих прав и законных интересов<sup>11</sup>. По тем же соображениям, на наш взгляд, не может пользоваться самозащитой государство, Федерация в целом, субъект Федерации.

В число, казалось бы, бесспорных признаков самозащиты включают понятия, определяющие ее направления, цели. Так, самозащита гражданских прав понимается как "допускаемые законом или договором действия управомоченного лица, направленные на обеспечение неприкосновенности права, пресечение нарушения и ликвидацию последствий такого нарушения"<sup>12</sup>. Сюда же добавляется требование соблюдения или совершения определенного рода действий другой стороны<sup>13</sup>. Тем самым, на наш взгляд, расширяются границы понятия "самозащита". А широкое определение самозащиты как родового понятия, включающего и стадии ее реализации, не позволяет четко определить суть самозащиты, которая заключается в совершении субъектом права волевого акта, свидетельствующего, что он сам намерен себя защищать. Такова главная идея, заложенная в понятие "самозащита", представляющее своеобразную реакцию индивидуума на нарушение своих прав.

С момента претворения в действительность этой идеи в виде акта обращения за защитой берет начало сам процесс защиты. И возможность совершить такой акт предоставляет государство. Иными словами, речь идет о своеобразном край-

не важном для субъекта праве, нуждающемся в самостоятельном законодательном закреплении. Отсюда позволителен вывод, что самозащита по своему характеру близка правоспособности, есть одно из ее проявлений. А правоспособность, сама по себе будучи абстрактной, но стержневой правовой категорией, не нуждается в описании прав, которыми способен обладать субъект.

Заслуживает внимания и мнение, что самозащите следует выделить в особую группу юридических фактов<sup>14</sup>, с чем трудно согласиться. Всякого рода юридические факты нуждаются, как известно, в подтверждении, чего нельзя сказать о самозащите. Она, как всякое другое право, есть предоставленная государством возможность действовать определенным образом. Поэтому ее существование в доказательствах не нуждается.

Таким образом, самозащита как таковая со всеми присущими ей признаками служит своеобразным "ключом", который приводит в движение весь механизм правового регулирования, подчиняется своим правилам, зависящим от компетенции, прав и обязанностей юридического лица, призванного реагировать на акт самозащиты; физического лица, у которого появляются обязанности реализовать (не реализовать) просьбу того, кто сам себя защищает. Именно такое понимание самозащиты способно превратить ее в проявление свободы личности, признак ее независимости и в сфере правоприменения, в полезный и нужный правовой инструмент, а не абстрактную нежизнеспособную правовую категорию.

Рассматривая самозащиту только как акт свободного проявления намерений самого субъекта, чьи права нарушены, имеет смысл несколько подробнее остановиться на самозащите как волевым действием. Воля должна быть выражена четко полностью дееспособным лицом. Во-вторых, реализующему свое право субъекту следует четко обозначить, какое именно его право нарушено. Не исключено, что при этом он может ошибаться, поскольку такого права не существует. Иллюзии на этот счет станут предметом рассмотрения органов, куда направлено обращение защищающего себя субъекта. Конечно, отсутствие четкого обозначения нарушенного права затрудняет дальнейшую защиту права. Но само по себе право на самозащиту от этого не исчезает. Не пропадает оно и тогда, когда личное, индивидуальное обращение за защитой (самозащита) не увенчалось успехом. Вместе с тем знание, какое именно право было нарушено, облегчит поиск средств самозащиты, разбирательство существа обращения за защитой.

Существует мнение, что самозащита может быть обращена к другому физическому лицу с це-

<sup>9</sup> См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 2001. С. 117.

<sup>10</sup> См.: Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав. М., 2002. С. 191.

<sup>11</sup> См.: Новгородова Ю.Н. Несудебная защита прав человека. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 18.

<sup>12</sup> Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Указ. соч. С. 161.

<sup>13</sup> См.: там же. С. 153.

<sup>14</sup> См.: Микиш Д.В. Указ. соч. С. 12.

лью примирения, достижения обоюдовыгодного компромисса. И если такое обращение действительно способно послужить правовой основой самозащиты, то почему бы его не допустить.

Говоря об обращении как способе реализации права на самозащиту, надо сказать, что термин “обращение” трактуется как призыв, речь, воззвание<sup>15</sup>, что, казалось бы, к самозащите как юридической категории прямого отношения не имеет. Однако нередко общепринятые слова и выражения приобретают со временем способность, во-первых, к обретению иного смысла. Во-вторых, иногда просто трудно найти им подходящую замену. Вот почему именно термин “обращение” фигурирует в ст. 33 Конституции РФ, ст. 4 Федерального закона “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” от 2 мая 2006 г.<sup>16</sup>, ст. 32 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” от 6 октября 2003 г.<sup>17</sup>

В целях более ответственного отношения к обращению граждан приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 17 апреля 2007 г. была утверждена, в частности, Инструкция о порядке рассмотрения обращений граждан в Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки<sup>18</sup>.

В существующих нормативных и подзаконных актах нет прямого упоминания о самозащите, которая, надо полагать, подразумевается. Но здесь перечисляются виды обращений, одни из которых – акты самозащиты, другие к ним не относятся. Так, обращение в виде предложения-рекомендации гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества естественно самозащитой в правовом смысле слова не являются. То же самое можно сказать о заявлении-просьбе, направленном на содействие в реализации, допустим, конституционных прав и свобод, содержащем критику работы государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц. Когда же заявление субъекта направлено на устранение нарушения его прав, оно несомненно относится к самозащите. Такое понимание заявления ближе к толкованию данного термина<sup>19</sup>.

Под обращением в общепринятом смысле слова понимается и жалоба, которая в русском языке считается выражением недовольства, сетования по поводу неприятности, боли и т.п.<sup>20</sup>, что никак к самозащите как правовому понятию не относится. Однако понятие “жалоба” фигурирует и в правовом контексте под углом зрения права гражданина на подачу жалобы<sup>21</sup>, которое является “абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом личности”<sup>22</sup>.

Непременная предпосылка самозащиты как правового понятия – информация об имеющем место правонарушении. Вот почему, например, Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан”» от 14 декабря 1995 г. гласит: “Каждый гражданин имеет право получить, а должностные лица, государственные служащие обязаны ему предоставить возможность ознакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если нет установленных федеральным законом ограничений на информацию, содержащуюся в этих документах и материалах”<sup>23</sup>. Таков лишь один из источников получения сведений об имеющем место нарушении прав физического лица, вызвавшего желание самому выступить в защиту своего права в случае его нарушения. Конечно, не исключаются и другие источники информации, а также непосредственное столкновение с фактом нарушения прав. Причем “гражданин освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (решений), но обязан доказать факт нарушения своих прав и свобод”<sup>24</sup>.

Таковы предпосылки совершения акта самозащиты, после чего начинается процесс, имеющий самостоятельное значение, свои особенности, предопределяющие успех самозащиты. В этом процессе выясняется правомерность обращения, соразмерность самозащиты и правонарушения. Отсюда следует, что по тем или иным соображениям возможен отказ в удовлетворении просьбы лица, выступившего в защиту своих прав. Тем не менее право на самозащиту продолжает сохраняться и может быть реализовано путем обращения в другие, как правило, вышестоящие инстанции. Однако не исключается, что акт самозащиты будет в конечном счете безуспешным. Во-пер-

<sup>15</sup> Большой толковый словарь русского языка. С. 299.

<sup>16</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

<sup>17</sup> См.: Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 (в ред. ФЗ от 21 июля 2007 г.).

<sup>18</sup> См.: Росс. газ. 2007. 2 июня.

<sup>19</sup> Большой толковый словарь русского языка. С. 299.

<sup>20</sup> См.: там же.

<sup>21</sup> *Хаманева Н.Ю.* Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1997. С. 11.

<sup>22</sup> *Хаманева Н.Ю.* Гражданин как субъект административного права. М., 2006. С. 19.

<sup>23</sup> Собрание законодательства РФ. 1995. № 51. Ст. 4970.

<sup>24</sup> Там же.

вых, если в его основе лежат неправомерные притязания; во-вторых, когда достижение желаемой цели повлечет за собой нарушение прав других граждан; в-третьих, если в конечном счете акт самозащиты способен породить нарушение норм нравственного порядка. Вот почему в законах и подзаконных актах последнего времени более или менее тщательно определяются права и обязанности лиц, в чью компетенцию входит рассмотрение поступившего обращения с тем, чтобы не состоялся неоправданный отказ в имевшей место жалобе (обращении).

Налицо взаимодействие двух самостоятельных взаимосвязанных и взаимозависимых этапов защиты, каждый из которых имеет свои особенности, свои правовые признаки, смешивать которые вряд ли целесообразно. Между тем существующие в юридической литературе обозначения самозащиты отличаются отсутствием границ между узким и более точным, на наш взгляд, определением самозащиты и широкой, неопределенной ее характеристикой. Свидетельством тому служит следующая формулировка: «Самозащита допускается в случае наличного посягательства на право, которое лицо имеет на законных основаниях, если при ее реализации не было допущено явного несоответствия способов самозащиты характеру и степени опасности посягательства, а также не были превышены пределы действий, необходимых для обеспечения неприкосновенности права, пресечения нарушения и ликвидации последствий такого нарушения»<sup>25</sup>.

Столь пространное определение самозащиты не позволяет подчеркнуть ее суть как дарованного государством права защищать себя самому. При этом исчезает из поля зрения крайне важное обстоятельство – самозащита есть одно из характерных проявлений свободы личности, на что следует обратить особое внимание в наше время, когда предпринимаются усилия укрепить ее независимость, повысить уровень правосознания конкретного индивидуума и тем самым уменьшить степень разного рода неблагоприятия в современном российском обществе. Вот почему внимание к самозащите – правовой категории как акту свободной воли приобретает в наше время особый смысл.

Естественно, самозащита присуща любой отрасли права, в том числе и семейному. Но здесь есть свои особенности, которые не могут не представлять интереса. Тем более, когда речь идет о семейных правоотношениях. Причем надо сказать, что самозащита в семейном праве не была предметом специального изучения.

Чтобы составить представление о самозащите в семейно-правовой сфере, мало обратить внима-

ние на ее общетеоретические признаки. Имеет прямой смысл проанализировать семейно-правовые понятия с точки зрения возможности участников семейных правоотношений использовать предоставляемое им государством право на самозащиту.

Берущее начало из п. 1 ст. 7 СК право гражданина на защиту прав, вытекающих из семейных отношений, имеет прямое отношение к самозащите по семейному праву. Налицо правовая предпосылка самозащиты в случае нарушения этих прав. Но, как сказано в ч. 2 п. 1 названной статьи СК РФ, осуществление членами семьи своих прав не должно нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан. Отсюда необходимость следующего после совершения акта самозащиты выявления соразмерности притязаний обладателя права на самозащиту со степенью важности нарушения его прав.

Способы осуществления защиты, а следовательно, и самозащиты, определяются в общих чертах п. 1 ст. 8 СК РФ, причисляющих к ним судебный и административный порядок обжалования.

Переходя от общей к особенной части Семейного кодекса, надо сказать, что право на брак относится к бесспорным положениям. Существование предусмотренных п. 1 ст. 12, ст. 14 СК РФ запретов к браку продиктовано интересами государства. Попытка их нарушить способна породить такую самозащиту, которая не может иметь положительного результата. Однако отказ (в любом случае) от регистрации брака, исходящий от органов записи актов гражданского состояния, может быть обжалован в суд лицами, желающими вступить в брак (одним из них), что сказано в п. 3 ст. 11 СК. В данном случае открыт путь для самозащиты безотносительно к тому, заблуждается ли лицо относительно существования его права на брак. Право на самозащиту в любом случае сохраняется. Но процесс его реализации включает проверочные, оценочные действия, направленные на выяснение правомерности акта самозащиты, что уже выходит за ее пределы.

Прекращение брака как в административном, так и в судебном порядке подчиняется определенным правилам, что не исключает существование права на расторжение брака. Надобности прибегать здесь к самозащите практически не существует, поскольку для расторжения брака как в административном, так и в судебном порядке препятствий нет. Исключение составляет ст. 17 СК РФ, запрещающая мужу без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. В данном случае семейное право имеет дело с четко выраженным ограничением права на расторжение брака, вызванным необхо-

<sup>25</sup> Сverdlyk G.A., Strauning E.L. Указ. соч. С. 149.

димостью охранять состояние здоровья беременной женщины, новорожденного ребенка. Такое ограничение, вызывающее возражения специалистов в области гражданского процесса, на самом деле есть конкретизация конституционного положения об охране материнства и детства, предусмотренного ч. 1 ст. 38 Конституции РФ. А раз имеет место ограничение права – пусть даже на время, государство на этот срок не правомочно наделять члена семьи и правом на самозащиту. Совершение мужчиной-супругом, несмотря на указания закона, самозащиты в виде обращения за разводом будет расценено судом как неправомерные действия со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Самозащита, связанная с имущественными отношениями супругов, относится к нетипичным событиям, так как обычно всякого рода имущественные коллизии порождают спор о праве, когда правовая принадлежность имущества еще не определена. И только тогда, когда один из супругов почему-либо нарушает имущественное право другого супруга, причем такое право, в существовании которого сомневаться уже не приходится, другой супруг может прибегнуть к самозащите.

Особое место в Семейном кодексе уделяется правам несовершеннолетних, которые нередко страдают от семейного насилия. Специфика проблемы их защиты состоит в том, что ребенок не находит защиты у общества и государства, поскольку социально-правовая база для защиты и помощи жертвам семейного насилия на сегодняшний день не отвечает реалиям<sup>26</sup>. И чем бы ни объяснялось подобного рода насилие (деформация бытового, нравственного и правового сознания и условий, формирующих такого рода дефекты)<sup>27</sup>, все равно дети страдают в силу своей физической незащищенности, когда речи об их самозащите просто быть не может. Отсюда исключительная острота в современной России защиты всей совокупности интересов ребенка, включая его физическое, нравственное, психическое здоровье и, что немаловажно, человеческое достоинство. Между тем цифры неумолимо свидетельствуют: в 2006 г. 9600 детей в России стали жертвами насилия со стороны взрослых<sup>28</sup>. Около 2 млн. детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями. Для 10% (т.е. 200 тыс. подростков) избивание заканчивается смертью<sup>29</sup>. За последние семь лет, отмечают в Генеральной прокуратуре,

число маленьких граждан, ставших жертвами преступлений, выросло практически вдвое и достигло 194 тыс.<sup>30</sup>

Оставляя в стороне криминологическую подоплеку внутрисемейной агрессии, позволим себе сделать вывод о вышедшем за всякие пределы нарушении прав несовершеннолетних. Но ни о какой самозащите ребенка, особенно маленького, который без всякого преувеличения – существо полностью беспомощное, говорить не приходится. Тем более что защитники его прав – это родители, выполняющие роль законных представителей. Именно они чаще всего грубо нарушают интересы своих несовершеннолетних детей. Не лучшее положение подростков в возрасте от 14 лет. Для них и тех, кто несколько моложе, единственный способ самозащиты – побег из дома.

По данным МВД, ежегодно более 50 тыс. детей бегут из семьи, спасаясь от родителей<sup>31</sup>. Отсюда рост числа беспризорников, которые попадают в еще более ужасающие условия и гибнут нравственно и физически. Налицо отсутствие необходимой самозащиты. Поэтому ничего не остается, как, в частности, выявлять и защищать их способами, предусмотренными Семейным кодексом РФ. Однако Семейный кодекс, в отличие от Конвенции о правах ребенка, не делает акцента на том, что именно государство выступает в защиту своих, не достигших совершеннолетия граждан, особенно тогда, когда они сами не могут себя защитить, так как лишены родительского попечения. И это тогда, когда Конвенция о правах ребенка, к которой присоединилась Российская Федерация, объявляет, что государства-участники:

уважают и обеспечивают все права ребенка;

принимают все необходимые меры для обеспечения защиты ребенка;

обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия;

признают право ребенка<sup>32</sup>.

Следовательно, российское семейное право не исполняет свои обязательств перед беззащитным ребенком. Отчасти это объясняется отсутствием конституционной предпосылки всесторонней защиты прав несовершеннолетнего, который сам себя защитить не может. У него по сути нет права на самозащиту. А государство не берет на себя целиком и полностью защиту тех несовершеннолетних, кто не в состоянии защитить себя сам. Отдельные попытки устранить подобного рода про-

<sup>26</sup> См.: Защита несовершеннолетних детей от семейного насилия. Иркутск, 2006. С. 38.

<sup>27</sup> См.: там же. С. 39.

<sup>28</sup> См.: Из выступления министра МВД РФ П. Нургалиева // Аргументы и факты. 2007. № 17. С. 13.

<sup>29</sup> См.: Детоубийцы. Почему мы так жестоки к нашим детям? // Аргументы и факты. 2007. № 17. С. 13.

<sup>30</sup> См.: Пыточная для пасынка // Росс газ. 2007. 22 июня.

<sup>31</sup> См.: Из выступления министра МВД Р. Нургалиева. С. 13.

<sup>32</sup> См.: Права ребенка (Основные международные документы). М., 1992. С. 15 и далее.

бел предусматривает п. 2 ст. 56 СК РФ, где сказано: “Ребенок имеет право на защиту от злоупотребления со стороны родителей (лиц, их заменяющих)”. По сути дела это означает предоставление несовершеннолетнему любого возраста права на самозащиту от неправомерных действий их родителей. Само собой разумеется, что воспользоваться данным правом может не каждый ребенок, а лишь тот, кто в состоянии как-то сформулировать свою жалобу. Причем, направлена она может быть любому адресату (физическому и юридическому лицу), способному донести подобного рода обращение до лиц, уполномоченных на защиту несовершеннолетнего. И не учитывать жалобы ребенка теперь уже нельзя, ибо речь идет о его праве на самозащиту, подтверждением чего служит текст ч. 2 п. 1 ст. 56 СК РФ, где сказано: “При нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно (подчеркнуто мною. — А.Н.) обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд”.

Таким образом, возможность самозащиты подростка определенным образом гарантирована Семейным кодексом РФ. Но на самом деле до настоящего времени она эфемерна, поскольку гражданско-процессуальный кодекс ее не обеспечивает. Вот почему правоприменительная практика не знает обращений несовершеннолетних детей в суд для защиты своих прав. Но потребность их в самозащите столь очевидна, что они реализуют ее с помощью эмансипации, предусмотренной ст. 27 Гражданского кодекса РФ. Освободившись от родительской зависимости, став полностью дееспособным, подросток становится обладателем права на самозащиту.

Еще одним типичным примером осуществления самозащиты в семейно-правовой сфере служит ст. 66 СК РФ, предусматривающая осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка. Даже в случае судебного установления права такого родителя на общение с несовершеннолетним возникают непреодолимые препятствия при осуществлении своего права. Поэтому такому родителю не остается ничего другого, как прибегнуть к самозащите путем обращения в административные органы (опеки и попечительства) либо в суд с тем, чтобы он принял меры к исполнению вынесенного им ранее решения. Такая просьба может исходить только от родителя, право которого нарушено. Если же родитель, проживающий отдельно от ребенка, выйдет за рамки очерченного судебным решением порядка общения с несовершеннолет-

ним, будет иметь место самоуправство, представляющее опасность для ребенка, особенно когда его похищают с использованием силы. Что же касается просьбы о передаче ребенка на воспитание родителю, которому помешали общаться со своим ребенком, то она превращается уже в спор о праве, а потому самозащитой не является.

Существует еще одно право родителя, проживающего отдельно от своего ребенка. Оно заключается в получении информации о несовершеннолетнем, где бы он не находился: в воспитательном, лечебном учреждении, учреждении социальной защиты населения и другом аналогичном учреждении. В случае отказа в получении информации о ребенке родитель, проживающий от него отдельно, вправе обратиться с жалобой в суд. Само по себе такое обращение правомерно, поскольку проживающий отдельно от ребенка родитель не утрачивает родительские права, а соответственно и право на самозащиту. Что же касается исхода подобного обращения, то удовлетворение заявленной им просьбы зависит от целого ряда обстоятельств, изучение которых уже выходит за рамки собственно самозащиты.

Сложнее оценить с точки зрения самозащиты восстановление родительских прав, которое осуществляется только по просьбе лица, утратившего родительские права по суду. Тот факт, что желание реабилитировать себя в качестве родителя должно исходить только от последнего, понятно. Но все-таки при восстановлении родительских прав имеет место спор о праве с использованием доказательств обоснованности заявленного иска. Следовательно, здесь нет места для самозащиты как таковой.

Алиментные обязательства с точки зрения самозащиты неоднородны. Там, где требует алименты один из его родителей, о самозащите как личном обращении несовершеннолетнего говорить не приходится. Другое дело, когда алименты взыскиваются по просьбе нуждающегося нетрудоспособного супруга, который даже после удовлетворения иска почему-либо алиментов не получает. Тогда он вправе защитить себя сам с помощью института самозащиты, правомерный характер которой не вызывает сомнений. Его обращение в соответствующие органы станет толчком к защите его права, формальным обладателем которого он является.

Согласно п. 2 ст. 89 СК РФ супруг в случае отказа от материальной поддержки со стороны другого супруга при определенных условиях имеет право требовать от последнего выплаты алиментов на свое содержание. При удовлетворении заявленного иска, казалось бы, все трудности в получении алиментов позади. Однако к довольно банальной и распространенной ситуации относится фактическая неуплата алиментов. И тогда ре-

альный обладатель права на алименты, их получение вправе использовать самозащиту путем обращения (жалобы, иски) в адрес судебных или административных органов. Аналогично положение дел при осуществлении права на получение алиментов на содержание бывшего супруга. (Естественно, при соблюдении всех предусмотренных Семейным кодексом условий.)

В алиментных правоотношениях, возникающих между другими членами семьи, речь идет об их обязательствах по отношению к несовершеннолетним и нетрудоспособным совершеннолетним братьям и сестрам, несовершеннолетним, нуждающимся в помощи внукам и др. Словом, речь идет не о правах, а о соответствующих обязанностях. Поэтому здесь не приходится говорить о самозащите.

Заметное место среди отношений, регулируемых семейным законодательством, занимает разд. VI, посвященный формам воспитания детей, оставшихся без попечения родителей. Если проанализировать общую часть данного раздела, то станет ясно, что о самозащите и даже ее предпосылках здесь ничего не сказано по вполне понятным причинам. Ребенок, даже будучи самостоятельным субъектом принадлежащих ему прав как личного, так и имущественного характера, сам защитить себя не в состоянии. И чтобы он не оказался вовсе беззащитным, защищать его права и интересы должны государственные органы в лице органов опеки и попечительства (ст. 121 СК).

Если же говорить о конкретных видах обеспечения права ребенка, лишившегося родительского попечения, на жизнь и воспитание в семье (путем передачи на усыновление, опеку (попечительство), в приемную семью), то всякий раз имеется в виду забота о них со стороны, главным образом лица, заменившего родителя, органов опеки и попечительства.

Если обратить внимание на каждое перечисленное в ст. 148 СК право несовершеннолетнего, находящегося под опекой (попечительством), то станет ясно, что ни одно из них сам ребенок защи-

тить без посторонней помощи не в состоянии. Поэтому вряд ли он обладатель права на самозащиту. Что же касается воспитанников приемной семьи, то все вопросы, связанные с их правами, решает за них приемный родитель, пусть даже с согласия несовершеннолетнего и с учетом его мнения. Отсюда вывод: ребенок, оставшийся без родительского попечения, принадлежит к особой категории детей, которые остро нуждаются в защите своих прав. Тем не менее правом на самозащиту он не обладает. Ограниченные возможности на этот счет есть только у подростков, но четкие правовые предпосылки их самозащиты отсутствуют. Они не обозначены даже в самом общем виде. Одна из веских причин такого явления заключается в отсутствии конституционных оснований повышенной заботы государства о несовершеннолетних гражданах. А возникающая в реальной действительности их беззащитность порождает рабскую психологию личности и ее спутника – духовную опустошенность, а точнее бездуховность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Подытоживая сказанное о самозащите в семейном праве, следует сказать, что, во-первых, отраслевая специализация норм семейного права в принципе не влияет на их общетеоретическую характеристику, при условии, что самозащиту следует понимать как акт правомерного волеизъявления физического лица (члена семьи), направленный на защиту реального правообладания. Во-вторых, отдельные особенности, присущие правовому регулированию семейных правоотношений, не противоречат общетеоретическому пониманию самозащиты. В-третьих, самозащита по семейному праву исключает участие в ее осуществлении представителей, в том числе родителей (одного из них). В-четвертых, невозможность самому ребенку защищать принадлежащее ему право создает ситуацию, когда все функции по его защите должно выполнять государство, что нуждается в специальном законодательном закреплении на конституционном уровне.